

Автор работы: Гумель Е.А

Рецензия на отечественный документальный фильм

«У ветра нет хвоста»

Суровая тундра, в атмосферу которой зрителя с первых минут фильма погружают Иван Власов и Никита Сташкевич, захватывает своим простором, неизведанностью и мощью. Ничто здесь не мешает глазам коснуться горизонта, а ушам наслаждаться шумом ветра.

Перед нами- многодетная семья кочевников, мирно пасущая стадо оленей. Шокирующей сценой является традиционный семейный обед, который режиссеры соединяют склейкой с помощью «монтажа аттракционов» после обычной сцены охоты. Убитый и разделанный на глазах зрителя олень, сырым разделен на куски и съеден с аппетитом в кругу семьи. Режиссеры используют метод «привычной» камеры, чтобы ненцы вели себя естественно и не боялись её, позволяя наблюдать за ними предельно близко. На протяжении всего фильма герои разговаривают на своем языке, зритель вынужден нащупывать, понимать происходящее чувствами, инстинктами. Например, в повторяющемся эпизоде укладывания детей спать мама и бабушка собирают девочек, подобно птенцам в «гнездо» из шкур, мехов и подушек. Само волшебство начинается с момента напева матерью колыбельной, подобно ритуалу, за счет перекликания и повторения непонятных слов. Получается особая мантра, успокаивающая и убаюкивающая детей и нас вместе с ними, впадающими в некий «транс». Основным способом восприятия и понимания зрителем происходящего на экране становятся не слова, а внешние образы: связь матери с детьми, тема защиты дома, добывание пищи, игры с воздушным змеем.

Ключевым конфликтом в фильме является вынужденное расставание девочек с семьей на период учебы. Их начинают заранее готовить к этому жизненному «испытанию», к неизбежному столкновению с другим миром цивилизации в лице школы-интерната. Важной сценой фильма становится диалог главной героини с кочевым учителем об изображении своего дома. Ника рисует домик подобно чуму в форме треугольника, что отображает её картину мира. Учитель правит девочку, объясняя, что это только крыша дома, а необходимо уметь рисовать домик целиком. Спустя время, перед отъездом, Ника уже рисует дом таким, каким привык его видеть современный человек с крышей, окном и четырьмя стенами. Она готова к отъезду. Нарастающее напряжение фильма сопровождается стихией. Собирающиеся тучи и гудящий ветер настраивают зрителя на приближающуюся опасность. Возникает напряжение, в котором нам показывают ловлю оленей на забой. Удушающая смерть настигает животное и сигнализирует нам о том, что вскоре должно что-то произойти. Во время прилета «школьного» вертолета за девочками детей переодевают в современную одежду взамен этнических привычных костюмов ручной работы, отражающих их связь с родными, их менталитет, историю и культуру. Отъезд Ники становится кульминацией фильма: семью разделяют.

По прилете в интернат с детьми начинают разговаривать на понятном зрителю языке, но чужом для девочек. Вся обстановка кажется нелепой и недружелюбной: с девочек постоянно слетают тапки, которые их не заставляли носить дома, нехватает покрывал на кроватях. Решающе выбивает нас из колеи висящая на стене фотография «Москвы-сити», которая абсолютно неуместна и абсурдна здесь. Заселяясь в комнату, воспитатель предлагает девочкам посмотреть в окно. Это еще больше заставляет девочек скучать по родным просторам, которые никогда не

сможет заменить вид из окна интерната. Контраст комнаты и чума становится явным: каменные холодные стены кажутся чужими и отталкивающими, в сравнении с потолком чума, в котором было видно небо через отверстие. Зритель сочувствует Нике и хочет забрать, обнять и вернуть домой этих беззащитных детей, но он вынужден оставаться наблюдателем.

Заключительной частью фильма становится сцена сборов девочек ко сну, и та самая мамина колыбельная, без которой они не могут уснуть. Они собираются на одной кровати под одеялом и постукивают Нику по плечу, имитируя прикосновения бабушки и прижимаясь друг к другу. Одни против этого огромного неизведанного мира девочки находят в себе силы уснуть. Утром наступает первое сентября. Параллельным монтажом показаны следующие кадры: нелепая праздничная форма, жесткие туфли и тугие бантики и этот «постановочный» кадр, где герои впервые смотрят напрямую в камеру, как для фотографии, создает еще большую трагичность, и зритель понимает почему, ведь они впервые оказались вдали от дома, от родных и близких, не чувствуя этого «хвоста», который остался далеко в степи.

Фильм отражает детскую непосредственность и их магическое восприятие мира вокруг них, где все кажется живым и осмысленным. Мы наблюдаем за происшествиями отключив всю логику и взрослый скептицизм. Намного ближе нам становятся дети и их мир: сказки, свободный смех, их слезы в моменты страха и боли. Авторы фильма вызывают у зрителя сочувствие к Нике, но этот уход из «гнезда» все равно должен будет произойти рано или поздно, и если не школьный самолет заберет девочку из гнезда, то это сделает сама жизнь и Нике все равно придется расстаться с детством.